

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ УСТНАЯ ПОЭЗИЯ

Х. Х. Малкондуев

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

В работе проводится краткий экскурс в исследование жанровой и внутрижанровой особенностей карачаево-балкарской народной песни начиная с самой древней, магической поэзии до календарной, охотничьей, семейно-общинной обрядности, а также историко-героических песен и произведений, созданных в XX в.

A brief excursion into the genre and intra genre feature of the Karachay-Balkar folk song, starting with the ancient, magical poetry to the calendar, hunting, family and community rituals, as well as historical and heroic songs and works created in the XX century, is presented in the paper.

Ключевые слова: жанр; поэтика; иносказательные системы; этнос; язычество; древнее воззрение; лирика; исторические песни.

Keywords: genre; poetics; allegorical systems; ethnos; paganism; ancient view; lyrics; historical songs.

Предметом интенсивного научного изучения карачаево-балкарский фольклор стал в последние десятилетия [1–15].

Анализ художественно-стилевых особенностей песенной поэзии карачаево-балкарского народа показывает, что и в самой истории культуры прослеживаются такие хронологические этапы, как субстратный, индо-арийский, древнетюркский и собственно карачаево-балкарский. К субстратной культуре следует отнести наиболее древний ее пласт – песни нартского эпоса, где отчетливо прослеживается культ огня, солнца, луны, железа, камня, воды, а также ряд произведений обрядово-мифологического содержания, куда мы относим группу охотничьих песен о божестве охоты и лесных зверей – Апсаты, образ которого типологически широко распространен во всем кавказском фольклорно-этнографическом ареале. «Совершенно очевидно, что образ Апсаты проник в осетинский эпос из кавказского субстрата. Субстрат – это второй, наряду с генетическим единством, момент, который надо учитывать при объяснении общих моментов в фольклоре народов Кавказа», – пишет В.И. Абаев [16, с. 293]. На наш взгляд, уместно включить сюда и поэтические тексты о таких языческих персонажах, как Аймуш и Шибилы, бытующих только в карачаево-балкарском и адыгском фольклоре.

Большой след в фольклорных культовых образах балкаро-карачаевцев оставила древнейшая индо-арийская культура, что объясняется длительным духовным симбиозом, происходившим на Великом Поясе Степей между киммерийцами, скифами, массагетами, сарматами, аланами, с одной стороны, и гунно-булгарами, аварами, огузами, печенегами, хазарами и кипчако-половцами – с другой. Тесное взаимодействие этих двух полукочевых-полуоседлых этносов в течение многих столетий приводило к бинарности их культур, что порождало, в свою очередь, появление более совершенных направлений в духовном обогащении не одного поколения людей.

К индо-арийским фольклорно-этнографическим заимствованиям относятся песни, посвященные таким мифологическим персонажам, как Тотур (или Аш-Тотур), Ацкерги, Данбеттир (или Дамметтир), Анай (или Онай), Чоппа, Николла, Тепена, Хардар и др., видимо, воспринятые в прошлом предками балкаро-карачаевцев у ираноязычных алан-дигорцев. Их имена присутствуют в фольклоре и современных осетин-дигорцев.

Значительную часть обрядово-мифологического песенного фольклора балкаро-карачаевцев составляет древнетюркская традиция. Это тексты с ярко выраженными сюжетно-повествовательными элементами о таких общетюркских мифологических персонажах, как Уллу Тейри (Великий Тейри), Умай, покровительница воды – Энекей или Суу Иеси, земли – Жер Иеси, огня – От Иеси, семьи – Ал Халасы (или Ал Анасы), о злом духе Байчы, а также жанры семейно-обрядовой поэзии – *алгыши* (благопожелания) и *каргыши* (проклятия). Термином «алгыш» обозначаются и все виды языческих заговоров в карачаево-балкарской народной словесности. Имеет место и локальное, синонимическое обозначение заговора. Так, в некоторых селах употребляются и термины «тюркюрюч», «тилек», «дууа».

В древнейшей поэзии существует собственно карачаево-балкарский пантеон языческих персонажей. Это покровители земных и небесных явлений – Дауле, Голлу, Эрирей, Гери-Гери, Химикки, Тымбыл, Маккуруш, Сандырак и т.д.

Традиционную обрядовую поэтическую культуру карачаево-балкарского народа мы классифицируем следующим образом: магическая, охотничья, календарная, общинная и семейно-обрядовая поэзия. В отдельный жанр следует выделить тексты необрядовой мифологической поэзии, которые, очевидно, создавались, опираясь на сюжеты и мотивы легенд и преданий о реальных личностях.

Архаический пласт традиционной поэтической культуры народа представлен в заговорах («алгышла»), которые исполняются шепотом (наговором) и пением. Большую их часть составляют произведения лечебной магии (от кори, оспы, холеры, укуса змеи, отравления и т.д.). Некоторые из них носили общинный характер. Например, песню «Чоппа» исполняли всей общиной в период затмения Солнца или Луны. Подобный характер носили и тексты песен, исполнявшихся при поиске утопленников, при поражении ударом молнии и т.д. Слова и сюжетные элементы песен-заговоров в высшей степени таинственны и иносказательны, а потому часто не поддаются переводу. Помимо ряда языческих персонажей, в заговорах обращаются и к Христу, называя его «алтын Хыйса» – «золотой Христос» или «сары Исса» – «желтый, т.е. золотой, Иисус».

Значительную часть обрядовых магических песен балкаро-карачаевцев составляют тексты, связанные с хозяйственно-бытовой жизнью людей. Эти песенно-стихотворные произведения посвящены различной деятельности сельской общины: заговоры волка (чтобы он не съел оставшуюся на поле, в лесу скотину), заговоры, исполняемые у постели умирающего человека, при выпадении молочных зубов у малыша, при изготовлении хмельных напитков и т.д.

Охотничьи песни балкаро-карачаевцев делятся на две основные внутрижанровые группы: а) адресованные покровителю диких животных Апсаты и его детям с просьбой об удачной охоте. Сюда относятся песни, сопровождавшие охоту на зубра, медведя, снежного барса и т.д.; б) связанные с совершеннолетием молодых охотников, в которых просят у божества Тотура (Аш-Тотура) удачной охоты на волка, рысь и т.д.

Содержание некоторых текстов песен об Апсаты показывает, что покровителем охоты выступает он, а Тейри (он же Тенгри – патрон общетюрко-монгольского языческого пантеона) исполняет роль более отвлеченного божества, которому подвластно все на земле и небесах. По характеру выражения пространственно-временных представлений мы относим их к наиболее архаичным произведениям устной словесности.

Главным сюжетным элементом «Песен об Апсаты» является формула-заклинание с просьбой к покровителю о хорошей добыче, удачной охоте на благородного зверя.

Существуют и тексты, которые встречаются только в одном варианте. Это такие произведения, как «Песня идущих на охоту на зубра», «Песня об охоте на медведя», «Заговор при стрельбе в барса».

Популярность покровителя охоты Тотура (Аш-Тотура) в Чегемском ущелье, на наш взгляд, объясняется значительным местом аланского этнического компонента в духовной культуре данной субэтнической среды. Песни, связанные с культом Тотура, сопровождали первый выход охотников на промысел, воспевали первую удачную добычу, которая отмечалась родственной и соседской общиной как празднество.

Календарно-обрядовую поэзию балкаро-карачаевцев мы условно подразделяем на два поджанра: весенне-летняя и осенне-зимняя поэзия. В основном они были связаны с такой трудовой деятельностью сельской общины, как земледелие, животноводство, а также с поклонением языческим богам, которые были тесно связаны с календарными обрядами. Отмеченное выше подразделение всего имеющегося материала на две временные группы оправдано как тематическими критериями, так и характером внутрижанровых особенностей самих песен.

Народный календарь балкаро-карачаевцев типологически близок к лунному календарю многих народов мира, а потому начало весны традиционно соотносилось с новым годом. Первый день весны носил название «Тотурну ал айы» – «Первый день Тотура», и люди встречали его, согласно обычаю, песнями и плясками, носящими величальный обрядовый характер. Народ им дал такие терминологические обозначения, как: «Шертмен», «Гюппе», «Озай». Функционально они соответствовали русским колядкам, славянским веснянкам, адыгским весенне-ритуальным песням о Тхагаледже и т.д. Если песни «Озай» и «Гюппе» исполнялись детьми, то «Шертмен» распевала молодежь села. В них желали людям доброй весны, обильного урожая, солнечного тепла, счастливой и долгой жизни, чтобы корова давала много молока, овцы и козы – хороший приплод и т.д. Среди образов-символов наиболее универсальным характером наделен жаворонок, прилет которого ассоциируется с приходом весны у многих народов Европы и Азии.

Под названием «Голлу» у балкаро-карачаевцев существовал массовый праздник, впервые описанный А.З. Холаевым [4]. Полифункциональный характер «Голлу» объясняется позднейшей трансформацией его и ослаблением канонов язычества.

В группе песен летнего цикла община обращалась к языческим покровителям Тейри (верховный бог), Элие и Чоппе (грозовые божества). Они содержат просьбу об обильном урожае, сочной траве, плодородных дождях, удачной и устойчивой погоде и т.д.

Осенние календарные песни связаны с такими устойчивыми национально-бытовыми традициями в жизни балкаро-карачаевцев, как посевные и покосные работы, уборка урожая, скотоводство, обмолот осеннего зерна и хранение его до следующего года.

Наиболее популярными песнями, связанными со страдой, являются «Эрирей». Они относятся к числу немногих, которые исполнялись во всех селах Балкарии и Карачая. «Эрирей» име-

ли десятки различных музыкально-текстовых вариантов, носящих субэтнический характер. Мы вправе считать их группой песен, близких по музыкально-поэтической фактуре. Сквозным в этой группе является образ быка, что объясняется, на наш взгляд, культом данного животного у тюркских племен в раннем средневековье и в автохтонной северокавказской культуре в период ранней и поздней бронзы.

В чегемском и хуламо-безенгийском вариантах данной песни в роли покровителя хлебных изделий и плодородия выступает также древнеаланский языческий персонаж Хардар, или Золотой Хардар, известный в осетинской мифологии как «...божество хлебных злаков, покровитель урожая» [17, с. 179].

Данный цикл содержит ряд песен, адресованных покровителям грома и молнии Чоппе, Элие, Шибиле, Ажаму, Гылану, с просьбой в период осенних грозных дождей приостановить стихию. В них четко прослеживаются обрядово-мифологические и магио-мифологические внутрижанровые особенности, где, с одной стороны, воспеваются покровители языческого пантеона, с другой – они несут на себе нагрузку заклинательной, календарной функции.

Зимний календарный цикл представлен десятками кратких песенно-стихотворных произведений. Они посвящаются первому снегу, девяти самым коротким декабрьским и сорока наиболее холодным дням, которые охватывали январь и февраль. Расписывая буквально по дням зимние дни, народ опирался на свой жизненный опыт, на прекрасный уровень художественно-образного и этнографического мышления. Исследование показало, что зимняя календарно-обрядовая поэзия балкаро-карачаевцев вплотную сближается с весенней обрядностью и переплетается с ней.

Цикл песен общинной обрядности составляет группа поэтических текстов, сопровождавших различные ритуальные действия: «Голлу», «Тепена», «Дауле», «Гутан», «Сабантой», «Байрым», «Тотур», «Элия», «Чоппа», «Суу кюй», «Саранча». Они носили либо календарный, либо просто культовый характер и исполнялись почти в любое время года. Сюда же мы относим клятвенные поэтические формулы присяги на верность своему долгу, исполняемые перед общиной народными парламентариями – *тёречи*.

В группу поэтических текстов семейно-обрядовой поэзии включаются произведения, связанные с бракосочетанием, выходом девушки из родительского дома, свадебными процессами – застольными здравицами *алгышами*, рождением, уходом и воспитанием ребенка, а также обрядовые плачи-причитания, исполняемые по случаю смерти кого-либо из близких людей. Большое место здесь отводится детскому фольклору, который включает в себя различные песни-потешки, поучительные и колыбельные песни, а также детский сказочный эпос, гадалки, весенне-обрядовые детские песни «Озай».

В старинном ауле Безенги в сопровождении хора исполнялась песня-танец стариков «Голлу». В 1970-е гг. нам еще удавалось встретить пожилых людей, которые были очевидцами подобной хореографии. Слова этой песни насыщены различными эпитетами, носящими во многом оценочный характер.

По временным канонам историко-героические песни охватывают отголоски событий самого конца XIV в., связанных с походами Тимура в Черекское, Чегемское и Хуламо-Безенгийское ущелья, а также отрывки небольших текстов, посвященных подвигам легендарного вождя балкаро-карачаевцев в тот период Таулу, имя которого, согласно преданиям, народ перенес на свое этническое самоназвание. Данный эндэтноним и по сей день остается устойчивым для всех субэтнических групп балкаро-карачаевцев, и никакая другая терминология ими не была воспринята.

Хронологически к произведениям XVI в. относятся «Песня о Карче», в которой речь идет о баксанском периоде проживания части карачаевцев, и ряд песен о Боташе – о первооткрывателе верховий Кубанского ущелья.

Много песен было создано в XVII–XVIII вв. В них в основном речь идет о набегах на Карачай и Балкарию иноэтнических, хорошо организованных групп, которые ставили своей целью угон скота и похищение детей. Бытуют и песни о набегах отдельных людей из числа аристократических патронимий балкаро-карачаевцев в Ногайские степи, Сванетию с целью угона табунов, похищения людей и т.д. Это такие произведения, как «Сарыбий и Карабий», «Аппа и Киши» и т.д. К песням XVII в. мы бы отнесли также такие широко известные поэтические тексты, как «Малкъар Басиаты, Дюгер Бадинаты» – «Басиаты Балкарии и Бадинаты Дигории» – о взаимоотношениях двух родственных аристократических групп фамилии, которые со временем переросли во враждующие, непримиримые кланы, «Храбрый Баксанук» – об основателе патронимии Суюнчевых и Урусбиевых.

Песни XVIII в. представлены текстами «Аче улу Ачемез» о борьбе с собирателями дани из Кырма, «Жанхотланы Азнауур» о знаменитом абреке, «Песню о Согаевых» о знатной патронимии Чегема, позже вымершей от чумы, а также «Чюерди», «Чёпеллеу», «Песню о Рачкауовых» и др.

Песни XIX в. во многом продолжают тему набегов, мести своим хозяевам, защиты своей земли от набегов соседних народов. Покорению Карачая в 1828 г. генералом Эммануэлем народ посвятил песню «Хасаука», которая является одним из самых популярных произведений в ущельях Балкарии и Карачая.

Ряд произведений устного народного творчества посвящен некоторым историческим событиям, связанным с историей Кабарды и адыгейцев. Это такие песни, как «Уллу Хож», посвященная трагическим событиям, имевшим место в 1859 г. в адыгейском ауле Ходзь [18, с. 184], «Джамбулат Атажукин» и «Каноковы» о вражде этих двух аристократических патриний, «Сары Асланбек Кайтукин», посвященная удельному князю Кабарды начала XVIII в. Особо следует выделить в этом цикле «Песню о Жансоховых», повествующую о непримиримой борьбе между Жансоховыми и Атажукиными. Она отвечает всем нормам эпического жанра в народном песенном искусстве.

Много песен было создано в XVIII–XIX вв. на тему набегов и абречества в Карачае. В них воспеваются героизм, удаль и отвага отдельных людей, готовых при необходимости прийти на помощь своим соседям, родственникам и аулу. Нередко молодые люди умирали, защищая свой стада от набегов, честь членов семьи, или просто от рук своих господ.

Герои, участвовавшие в указанных реальных событиях, воспеваются в песнях «Татаркъан», «Джандар», «Илиас», «Батыр Бахсанукъ», «Чепеллеу», «Къобанланы жыр», «Заурбек», «Салымгерий», «Баракъ», «Къанамат», «Джагайланы Майыл», «Къара-Мусса», «Къобанланы Элмырза», «Солтан-Хаджини жыры», «Гапалау», «Абрек уланла», «Хасанны жыры», «Бекболат», сочиненных в основном в карачаевской субэтнической среде в XIX в.

Карачаево-балкарская народная лирика представлена обрядовыми песнями-плачами по умершему «сарын», колыбельными песнями «бешик жырла», песнями-гореваниями «кюй», любовными песнями «суймеклик жырла», сатирическими песнями «чам жырла»; наиболее совершенной лирической формой является «инар», в которой строки короткие, отсутствует определенная сюжетная линия, индивид обычно дан без имени; «айтыши» – вид частушек, в которых участвуют два или более персонажей.

Много песен героического и лирического характера посвящалось Октябрьской революции (1917) и последствиям, связанным с нею, теме Великой Отечественной войны (1941–1945), а также темам насильственной депортации карачаево-балкарского народа (1943; 1944) и возвращения его на историческую родину, берущего начало с октября 1957 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караева А.И.* Очерки истории карачаевской литературы. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1966. 320 с.
2. *Ортабаева Р.А.* Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1977. 152 с.
3. *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 165 с.
4. *Холаев А.З.* К вопросу о трансформации обрядовой песни-пляски «Голлу» у балкарцев и карачаевцев // *Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев.* Нальчик: КБИИФЭ, 1981. С. 5–11.
5. *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2011. 215 с.
6. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. 395 с.
7. *Малкондуев Х.Х.* Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1990. 152 с.
8. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1996. 272 с.
9. *Малкондуев Х.Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX вв. Нальчик, 2000. 320 с.
10. *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа конца XIV – XVIII века. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 312 с.
11. *Малкондуев Х.Х.* Балкарцы и карачаевцы // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 96–121.
12. *Малкондуев Х.Х.* Об общинных обрядах балкарцев и карачаевцев // *Общественный быт адыгов и балкарцев.* Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 104–115.
13. *Малкондуев Х.Х.* Поэзия лечебной магии балкарцев и карачаевцев // *Магическая поэзия народов Дагестана и Северного Кавказа.* Махачкала, 1989. С. 96–114.
14. *Малкондуев Х.Х.* Параллелизм и метафора в балкаро-карачаевской народной обрядовой лирике // *Вопросы кавказской филологии и истории.* Нальчик, 2000. С. 51–74.
15. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарский песенный фольклор о нашествии Аксак Темира // *Материалы V Междунар. фольклорист. конф. НАН Азербайджана.* Баку, 2007. С. 676–679.
16. *Абаев В.И.* Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990. 638 с.
17. *Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М.* Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. 284 с.
18. *Щербина Ф.А.* История кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Печатник, 1913. 729 с.

Поступила в редакцию 14.04.2015 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.